

РОО «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

КАПИТАН СТРАНЫ
ВЕДЕТ НАС ОТ
ПОБЕДЕ!

Дмитрий Орешкин

ДЖУГАФИЛИЯ И СОВЕТСКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЭПОС

СТРАНЫ СОВЕТОВ
С ОТ ПОБЕДЫ

·МЫСЛЬ·

Москва

УДК 32.0(470+571):316.75

ББК 66.3(2Рос),1

О-65

РОО «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Орешкин, Дмитрий Борисович

О-65 *Джугафилия и советский статистический эпос / Дмитрий Орешкин. — Москва: Мысль, 2019. — 480 с. ; ил.*

ISBN 978-5-244-01208-8

Едва ли эта книга вам понравится — она о неприятном. Фальсифицированная вера, обманутые надежды... Книга для тех, кто не боится понимать Россию умом и склонен сомневаться в общепринятых канонах. Известный политолог Д. Орешкин показывает, как конструируются эти общепринятые очевидности, зачем внедряются в массовое сознание и что в результате с сознанием происходит. Конкретным объектом исследования служат Сталин и СССР, но не как реальные исторические явления, а как эпические образы, живущие своей отдельной жизнью.

Автор рискнул совместить географический, исторический, экономически-отраслевой и социокультурный подходы ради общих политологических выводов. Иначе невозможно: постулаты советской веры опираются на официальные цифры и факты. А на что опираются сами цифры с фактами, без детального экономического, исторического и географического анализа не выяснишь.

Наша «очевидность» наивно полагает, что статистика отражает объективную действительность. В дореволюционной России примерно так и было. Но не в СССР! Содержательный анализ показывает, что цифры и факты в стране победившего социализма выполняли более важную задачу. Они служили основой новой веры и героического эпоса, призванного доказать преимущества сталинского режима. Советские цифры стали частью советской идеологии.

Остается открытым вопрос: превращение статистики в цифровой орнамент на идеологической иконе — знак общественного прогресса или наоборот? Материальные результаты, очищенные от эпических наслоений, заставляют склониться ко второй точке зрения. Извините.

УДК 32.0(470+571):316.75

ББК 66.3(2Рос),1

ISBN 978-5-244-01208-8

© Мысль, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ 1. ФАБРИКА ОЧЕВИДНОСТЕЙ	11
ГЛАВА 1. ДИЗАЙН ПРОШЛОГО	13
ИДЕОКРАТИЯ. К. МАРКС, Ж. СОРЕЛЬ, А. ДУГИН	18
АГИОГРАФИЯ. СТАЛИН И ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС	33
КЛИНИКА ГЛАЗНОЙ ХИРУРГИИ	39
ГЛАВА 2. ДИЗАЙН СОВРЕМЕННОСТИ	55
ВЕРА И УБЕЖДЕНИЕ	55
ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. КУРИНАЯ СЛЕПОТА	63
ГЛАВА 3. АСИММЕТРИЯ ОЧЕВИДНОСТЕЙ	68
АЗИАТСКИЙ СДВИГ	68
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ МЕТРИКА	71
МЕНЕДЖМЕНТ И ТЕРРИТОРИИ	93
ОЧИ ИДЕНТИЧНОСТИ	102
ЧАСТЬ 2. ВОПЛОЩЕНИЕ ОЧЕВИДНОСТЕЙ	109
ГЛАВА 4. КОНСТРУКТОРЫ БЕЗДНЫ	111
ЛЕНИН И РУБЛИ	113
РЕВАНШ № 1, КАТАСТРОФА № 2	134
СТАЛИН И РУБЛИ	141
СТАЛИН И ЕДА	166
СТАЛИН И ВОДКА	198
СТАЛИН И СОЛДАТЫ	208
СТАЛИН И НАРОДЫ	211

ГЛАВА 5. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ. ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ	260
МЕТРИКА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ	260
СТАЛИН И ПЕЧАТЬ.....	322
СТАЛИН И КАНАЛЫ	346
ЧАСТЬ 3. ПЛОДЫ ОЧЕВИДНОСТЕЙ	365
ГЛАВА 6. КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ. СТАЛИН И ВОЙНА.....	367
ДВЕ ВОЙНЫ И ДВА ВОСПРИЯТИЯ.....	368
НЕПОБЕДИМОЕ И ЛЕГЕНДАРНОЕ.....	378
ГЛАВА 7. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭПОСА.....	396
МЕЖДУ ПРИГОВОРом И ИСПОЛНЕНИЕМ	396
ЭПОС ФИНСКОЙ, И НЕ ТОЛЬКО, ВОЙНЫ	403
ЧАСТЬ 4. ПРОСТРАНСТВО БЕЗ ВРЕМЕНИ. ЗАТЯНУВШИЙСЯ ЭПИЛОГ	441
ГЛАВА 8. РЫЦАРИ ФАЛЬСИФИКАТА	443
ДЕГРАДАЦИЯ НАУКИ	444
ПАТРИОТИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ	448
ГЛАВА 9. ФАНТОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ	453
РЕСТАВРАЦИЯ ЭПОСА.....	461
ПЕТЛЯ СОВЕТСКОЙ «ОЧЕВИДНОСТИ»	464
КОНКУРЕНЦИЯ СРЕД.....	468
МНИМЫЕ ЧИСЛА	473

ВВЕДЕНИЕ

Если совсем коротко, это книга о науке заблуждений и искусстве разочарований. И еще о вере, созданной на основе дезинформации. В идеале вера, как духовный феномен, должна существовать отдельно от материальной действительности, но это не наш случай, потому что советская вера называлась материализмом и замыкалась на фигуру земного человека. Неважно как его зовут — увязка веры с материальным бытом в любом случае делает ее уязвимой. Особенно если достигнутые на практике результаты (практика у марксистов — критерий истины) противоречат догмату. Поэтому умение грамотно разочаровываться становится все более актуальным для современной России. Мы же были впереди планеты всей и всех побеждали! Тогда почему же?!

А вот потому. Сегодня ментальные конструкции рушатся быстрее, чем создаются, и в этом неиссякаемый источник огорчений для верующих в Сталина и в СССР.

Текст основан на личном опыте автора, родившегося глубоко советским человеком и вставшего на путь исправления лишь под давлением многолетних полевых наблюдений и трудового перевоспитания в архивах и библиотеках. Курс реабилитации был болезненным. Надеюсь, книга поможет тем, кому нечто подобное еще предстоит. В ней представлен ряд фактов, не слишком известных широкому читателю. Они отчасти объясняют те муки, которые пережила наша страна за последние сто лет, и легкость, с какой в итоге рассыпалась. Попытка разобраться ведет к обидам и разочарованию — что и было обещано.

В книге четыре раздела и два смысловых блока. Первый касается общего взгляда на мир, или того, что интеллектуалы называют дискурсом, коммуникативной памятью, мировоззрением, менталитетом, нарративом, национальной (цивилизационной, исторической и т.д.) идентичностью и пр. В быту эта сторона восприятия описывается выражениями типа «совершенно очевидно, что...». Совершенно очевидно, что без Сталина и его индустриализации нам бы Гитлера не одолеть. Что Великая Октябрьская социалистическая революция стала величайшим событием мировой истории и открыла народам путь к счастью и прогрессу. Что Учение Маркса — Ленина всесильно, потому что верно.

Что Советский Союз был могуч и непобедим, потому что на его стороне объективные законы развития человеческого общества...

Странно. А кому очевидно? И почему очевидно? Разве не очевидно, что очевидность зависит в первую очередь от устройства очей? Отсюда второй блок книги — о том, как формировались советские очи (оптика мировосприятия).

Представления об устройстве мира закладываются с младенчества. На определенном этапе для общества, выучившегося читать и считать, ключевое значение приобретают буквы, цифры и формулы. Люди им верят: им кажется, что цифры не могут лгать. На самом деле еще как могут — и как раз в СССР больше, чем в любой другой стране мира. Это одна из причин трагедии. Искривленная ментальная оптика не может привести к желаемой цели, потому что цели либо вообще не существует, либо она намечена в ложной системе координат — как, например, коммунизм. Движение с испорченным навигатором превращается в цепь мучительных заблуждений и завершается неизбежной встречей с Когнитивным диссонансом. Не здесь, так там. Не сейчас, так позже. Встреча сопровождается коллапсом экономики, общества, культуры и того феномена, который в СССР именовали «советским строем».

Для людей с высшим и средним специальным образованием существенную роль в формировании ментальной оптики играет так называемая статистика — когда некий тезис утверждается или опровергается «с цифрами и фактами в руках». Эта книга как раз о том, как устроены советские цифры и факты и какое отношение они имеют к нынешним разочарованиям.

В работе над текстом огромную помощь оказали десятки людей и организаций. Ныне здравствующих и давно ушедших, но оставивших след в русской культуре, речи, когнитивном аппарате и — что очень важно — в объективно существующем материальном ландшафте страны.

Среди тех, кому еще не поздно сказать спасибо, первым идет фонд «Либеральная Миссия» во главе с проф. Е.Г. Ясиным и Д.Б. Зиминим, который дал автору возможность сосредоточиться над текстом. Не меньшей благодарности заслуживает Институт географии Российской Академии наук во главе с членом-корреспондентом РАН О.Н. Соломиной. Вопреки всему Институт демонстрировал бесконечное терпение и уважение к свободе научного поиска. Вообще, в смысле локальной социокультурной среды автору невероятно повезло. Спасибо!

Искреннюю персональную признательность хочу выразить коллеге и старшему товарищу А.А. Попову — за помощь в формировании ценностных установок в молодые географические годы и тяжкий труд по чтению, редактированию и структурированию этого текста через 40 лет. Также следует поклониться многочисленным коллегам и друзьям — главным образом из числа выпускников географического факультета МГУ, в московских и полевых спорах с которыми оттачивались многие тезисы.

Отдельная благодарность проф. Д.А. Мачерету и известному специалисту по железнодорожной статистке Ф.И. Хусаинову, взявшим на себя труд ознакомиться с разделом о транспортной инфраструктуре и значительно его улучшившим квалифицированными замечаниями и дополнениями. В части, касающейся урбанизации и социокультурных процессов, очень помогли беседы с известным культурологом Ю.Г. Вешнинским.

Никто из упомянутых коллег не несет ответственности за личные умозаключения автора и его возможные ошибки. Но все они внесли свой вклад в формирование той микро- и макросреды, в которой только и возможно было появление данного текста. Не знаю, как это будет читаться, но писать было интересно. Хотя иногда больно. Узнал много нового и неожиданного. Так что с разочарованиями все в порядке.

Да, еще о справочном аппарате. Поскольку книга посвящена гибридному феномену (что-то среднее между сказкой и былью, в зазоре между которыми мы были рождены), приходится мириться с ее гибридной природой: между наукой и публицистикой. Если следует ссылка на специфически научную, старую или труднодоступную книгу — она приводится согласно академическим стандартам. Если речь о высказываниях известных персон или о недавних выступлениях в СМИ, то в тексте приводятся ключевые слова, по которым любой интернет-поисковик легко найдет источник.

ЧАСТЬ 1

ФАБРИКА

ОЧЕВИДНОСТЕЙ

*Мне в размышлении глубоком сказал однажды Лизимах:
Что зрячий зрит здоровым оком, слепой не видит и в очках.*

КОЗЬМА ПРУТКОВ

ГЛАВА 1

ДИЗАЙН ПРОШЛОГО

У Гегеля сказано, что гнет побуждает к исследованиям. Замечательно; вот как раз и займемся. У Канта сказано, что феномен (внешнее проявление и восприятие предмета человеческим разумом) не совпадает с ноуменом (скрытой от познания внутренней сущностью предмета). Тоже неплохо: давно пора разобраться, как феномен по имени Россия соотносится с одноименным ноуменом. Ну, не совсем разобраться, конечно. Хотя бы сузить поле неопределенности.

В РФ на площади более 17,1 млн кв. км расположена тысяча с лишним городов. Едва ли кто-то за свою жизнь успеет побывать хотя бы в сотне. Однако суждение о России — часто непререкаемое — имеется у всех. Как и об Америке, что еще удивительней. Про феномен российского прошлого нечего и говорить — там никто не бывал, нам по определению ведомо лишь то, что поведали старшие товарищи. Школа, СМИ, кино, повседневное общение. Плюс несколько книг, более или менее потрясающих воображение: Л. Гумилев, А. Дугин, А. Паршев, В. Суворов, А. Фоменко...

Люди живут в реальности, созданной информационными потоками. Это нормально: не может же каждый путешествовать или сидеть в архивах, чтобы сформировать личную научную позицию. И вообще, кто сказал, что Земля круглая? Непосредственный чувственный опыт вопиет о противоположном. Однако мы почему-то доверяем не ему, а тому, что узнали от учителей. То же самое с образом России — он формируется информационной средой, и только ею. Эта простая мысль не всем нравится: людям приятнее думать, что они сами все выносили, увидели и открыли. Или вот такими умными, с отчетливым и единственно верным взглядом на Родину родились на белый свет.

Насколько могу судить, в русском культурном пространстве о проблеме *очевидности* первым заговорил Иван Ильин. Он совершенно справедливо увязал ее с неформальным знанием, но тут же сузил это понятие до одной только религиозной веры — что явная ошибка. В.И. Вернадский, смотревший на проблему неполноты формального знания со своей естествоиспытательской колокольни,

мыслил шире и утверждал, что научное знание не может долго развиваться только индукцией или дедукцией — время от времени ему необходимо окунаться в более свободную стихию жизни, религии, философии или искусства. Но Вернадский не пользовался понятием очевидности, а Ильин пользовался, горько пеняя русским мыслителям за узость подхода и незаметно впадая в тот же самый грех: «Мы должны заново спросить себя, что такое религиозная вера? Ибо вера цельна, она строит и ведет жизнь; а нашу жизнь она не строила и не вела. Мы во Христа крестились, но во Христа не облакались. Наша вера была заглушена страстями; она была разъедена и подорвана *рассудком*, который наша интеллигенция принимала за *Разум...*». Тем, кто читал Канта, знакома эта терминология: рассудок — сухая формальная логика, та самая «индукция или дедукция» Вернадского; Разум же (с прописной буквы) необходимо содержит в себе некие неформальные, свободные, высшие прозрения и потому полной формализации не подлежит. Но вернемся к И. Ильину: «...поэтому мы должны спросить себя, что такое *Разум* и как добывается его *Очевидность*. Эта очевидность разума не может быть добыта без сердечного созерцания»¹.

Остается непонятным, почему «сердечное созерцание» в составе Разума Ильин свел к чисто религиозному восприятию, да еще противопоставил его католической и протестантской «бессердечности». Довольно типичный сюжет для русских религиозных мыслителей прошлого века. Сегодня кажется более корректным говорить о культуре, идентичности и прочих несводимых только к религии особенностях коммуникативной памяти и «социокультурных очей».

Советский опыт свидетельствует, что над шлифовкой нашего оптического инструмента терпеливо работали сотни тысяч (если не миллионы) профессионалов. Не то чтобы это был такой могучий тайный цех или корпорация с осознанными целями, строгой иерархией, секретным уставом и разделением профессиональных обязанностей. Нет, конечно, хотя разглядеть все эти признаки в недавнем прошлом не составит труда. Но скорее речь о системе приоритетов и нормативов, которая втягивает людей в «общее дело» помимо и даже вопреки их воле. Просто потому, что уничтожает альтернативные возможности существования и мышления.

Так сложилось, что честные (хотя неполные, как все человеческое, и запоздалые, как все постсоветское) соображения Ильина были опубликованы не в России, а в США. А до отечественных очей, ушей и мозгов добрались еще лет через пятьдесят.

С советских времен у нас скудно с терминологией. Все, что о прошлом, называется историей. Хотя пора бы разделить понятия. Собственно *история* —

¹ Ильин И.А. Что нам делать? // Ильин И.А. О русском национализме. Симферополь : Родное слово, 2016. С. 4–10. Впервые статья была опубликована в 1954 г. в Сан-Франциско.

объективная последовательность состоявшихся в прошлом событий. Лишь в этом смысле верна формула «история не знает сослагательного наклонения». Как последовательность фактов — конечно не знает. Но рядом стоит другое явление — история как наука. Чтобы избежать путаницы, ее можно было бы назвать *историографией* (описание истории). Тоже не идеально, но все-таки понятней. Это уже сфера интерпретации, объяснений и выстраивания причинно-следственных связей. Здесь как раз без дискуссий (и, следовательно, без сослагательного наклонения) не обойтись. Насколько важен был факт возвращения В.И. Ленина в plombированном вагоне весной 1917 г.? Состоялась бы без него Октябрьская революция как следствие объективных законов истмата или нет? При толковании исторических событий решающую роль играют те самые очевидности и основанное на них мировоззрение: религиозное, трайбалистское, марксистское, националистическое и пр. Мировоззрение выступает объективным социокультурным фактором. И тоже задается информационной средой. А чем же еще?

Но ведь и среда не с неба упала. Носителю любого мировоззрения оно кажется естественным, органичным и единственно возможным: господи, да все нормальные люди так думают! Это же *очевидно!!*

Ну конечно! Октябрьская революция случилась оттого, что классовая борьба достигла невероятного накала, верхи уже не могли, а низы не хотели...

Или оттого, что в Господа слабо верили, государя-императора не берегли...

Или оттого, что евреи и масоны поставили себе целью сокрушить русский мир — и таки сокрушили...

Или оттого, что немецкому Генштабу надо был разрушить неприятеля изнутри — а отсюда тот самый plombированный вагон...

Или оттого, что время пришло, механизм заурядно выработал свой ресурс, а Николай II оказался слабоватым правителем...

Носителям разных картинок мира не то чтобы трудно понять друг друга — просто незачем. Им в своих информационных коконах хорошо и комфортно; мир прозрачен; ясно, как жить, с кем бороться и что созидать. Из ноумена российского прошлого они выдергивают устраивающие их фрагменты и из них склеивают свою версию России как исторического (а заодно и географического — потому что какое же время без пространства) феномена.

Отсюда частное следствие: единого для всех образа Родины и ее прошлого у нас нет. И уже вряд ли будет. Надо определиться, как жить дальше. Либо решительно уничтожить неправильные трактовки — обычно вместе с их носителями — ради феноменального единства. Либо учиться выстраивать социальные отношения таким образом, чтобы при наличии разных толкований России сохранилось некоторое общее пространство для мирного сосуществования (термин времен Л.И. Брежнева) носителей разных очевидностей. Имеется в виду

не только общее пространство гражданских прав, но и, например, общность русского языка.

Выбор между этими двумя опциями тоже зависит от восприятия России и представлений о том, в чем она нуждается. Какие мысли, гражданин начальник, будем считать исторически правильными?

На повестке дня формирование новой полихромной картинки мира для российского национального сознания. Что, по понятным причинам, воспринимается бенефициарами прежней картинки как диверсия, агрессия и вражеские происки. Им хочется, чтобы картинка была одна. Безусловно правильная. Та, которую через свою оптику наблюдают они.

Возникает необходимость в третьем термине. Историография (история как наука) может внутри себя сколько угодно расходиться в трактовке былых событий и их связей. Но у нее есть одно основополагающее свойство — признание приоритета эмпирики над интерпретацией. Как говорил Марк Твен, сначала дайте мне факт, а потом можете делать с ним все что угодно. Если интерпретация грубо и откровенно противоречит фактам, значит она не годится и надо придумать что-то посвежее. (Оценочные расхождения в том, что значит «грубо и откровенно», тоже носят интерпретационный характер, но эти тонкости оставим Гегелю и Канту.) Факты — хлеб науки. Поэтому наука о прошлом заинтересована в расширении их числа и постоянно вводит в оборот новые документы, свидетельства и материальные находки. Однако рядом с историографией функционирует еще одно внешне похожее направление, которое за неимением лучшего можно было бы назвать *агиографией*. Не простой, а гибридной, конечно (после крушения СССР у нас все гибридное, с добавлением «как бы»). Дословно с греческого — жизнеописание святых; в современном контексте — конструирование исторических мифов. Если угодно, историческая пропаганда. Или героический эпос, которому ради убедительности придан облик объективного знания.

Советская агиография охотно прикидывается наукой и претендует на ее функции, поскольку это повышает престиж и влияние. Но основана она на прямо противоположном подходе: если эмпирические факты противоречат канону — тем хуже для фактов. У Канта это называется «догматизм» — в хорошем смысле слова. Корпусу новых данных агиография позволяет расширяться, только если они не вредят узаконенному мифу. «Неправильная» эмпирика третируется как вражеские измышления, клевета и фальсификация. Интересно, что при этом используются термины, не слишком типичные для науки: глумление, кощунство, святотатство, подрыв духовных основ, разрушение скреп, оскорбление чувств и пр. Хлеб фактов уже не нужен, нужно масло. Точнее, елей.

Итак, три большие разницы. Летописец хранит неприкосновенное прошлое. Историк (историограф) тщится его понять, то есть встроить в актуальную для

себя систему очевидностей. Агиограф лепит прошлое из газетной бумаги, раскрашивает луковой шелухой и лакирует. После чего продает на ярмарке и громко негодует, если покупатель обнаруживает халтуру. Одна из причин постсоветского Когнитивного диссонанса — неумение различать функции сакрального и рационального знания. Социокультурные среды, в которых обитает человечество, отличаются, среди прочего, разной способностью видеть разницу между этими феноменами.

Отчасти из-за смешения функций агиографическая ортодоксия, претендующая на статус науки, вынуждена учитывать новые исторические факты и мимикрировать под их давлением — чтобы не утратить такого важного качества, как правдоподобие. Всего за одно поколение мы наблюдали переход от негодующего отрицания провокационных домыслов о неких якобы секретных приложениях к пакту Молотова — Риббентропа (у тов. Сталина никаких тайных пактов с ублюдком Гитлером не было и быть не могло; это клевета буржуазных наймитов) к победоносному их признанию: да, были секретные приложения! И правильно, что были! Тов. Сталин, мудро предвидя начало Второй мировой войны, спешил отодвинуть границы как можно дальше на запад, чтобы задержать продвижение Гитлера.

Это называется подбором новых объяснений в рамках старой очевидности (парадигмы или дискурса). Вынужденная модернизация мифа под давлением меняющейся среды. Можно спорить об интерпретациях, но эмпирический факт состоит в том, что раньше секретные приложения державной пропагандой с негодованием отрицались, а ныне с удовлетворением признаются. И благополучно встраиваются в традиционную систему ценностей, где тов. Сталин был мудр и дальновиден. Аналогичен сюжет с расстрелом польских офицеров в Катynie (Смоленская обл.) и Медном (Тверская обл.). Но здесь агиография еще не готова полностью перестроиться — остается немало людей, которые требуют верить в старую сказку и с гневом отбрасывают архивные факты и результаты раскопок. Новость, по сути, лишь в том, что прежняя монолитная советская вера утратила цельность и расщепилась по социальным группам точно так же, как расщепилось информационное пространство, в котором эти группы живут.

Это тоже нормально: люди разные, социокультурные среды тоже. Хотя нормально, опять же, не для всех — зависит от представлений о норме. В СССР каноническая система ценностей была единой и для всех обязательной. Но за это, во-первых, приходилось платить мертвящим догматизмом и, во-вторых (со временем), полной утратой правдоподобия. Материально-демографическую плату в виде репрессий за инакомыслие оставляем в стороне, для системы это не вопрос. Вопрос в том, что со временем люди начинают сомневаться и искать более подходящие для изменившейся реальности объяснения. И в итоге находят — кому что по сердцу и по «очам».

Такие агиографические конструкты, как «Павлик Морозов», «28 героев-панфиловцев», «план Даллеса», «подвиг Матросова», «подвиг Гастелло», «Олег Кошевой», «протоколы сионских мудрецов», «Черчилль, который держит руки по швам перед Сталиным», «Керенский, который бежит из Зимнего дворца в женском платье», «наркомпрод Цюрюпа, который падает в голодный обморок, распределяя продукты для трудящихся», «ветер истории, который сметает мусор с могилы Сталина» и т.п., вылеплены из смеси небольшого количества правды (чаще она вообще отсутствует) с невероятными объемами структурированной пустоты. Тем не менее они являются существенными факторами социального быта и в этом смысле абсолютно реальны. Какая-то часть сограждан руководствуется ими до сих пор — и это важная часть диагноза.

В рамках общей эволюции человечества историческая мифология (героический эпос или, ближе к современности, пропаганда, обращенная в прошлое) понемногу уступает место исторической науке. Точнее, происходит раздел сфер влияния. Объективная («материальная», или документальная) история — одно, историография — другое, агиография — третье. Этой закономерности подчинилась и дореволюционная Россия, пока в 1917 г. не обозначилось попятное движение к слиянию всех направлений в рамках одного универсального и единственно верного Учения.

Поток исторического времени течет неровно, иногда закручиваясь в воронки противотока. Жаль, что самая глубокая из них пришлась на Россию. Это случайно?

ИДЕОКРАТИЯ. К. МАРКС, Ж. СОРЕЛЬ, А. ДУГИН

Один из ярких представителей лубянской историко-философской школы, А.Г. Дугин, называет властные структуры, опирающиеся на подобные единоверные конструкции, идеократиями².

Власть в них опирается на Идею (с прописной буквы), формируемую сакральным меньшинством для профанного населения. Обратите внимание: Идея у Дугина не приходит от Бога, как то мыслилось в прежние времена, а создается смертными. Хотя, похоже, все же имеющими особо доверительные отношения с горним миром. Строго говоря, ничего нового. Аналогичным образом канонические тексты создавались земными пророками у иудеев, христиан и мусульман. Только у Дугина больше наукообразности, а сакральное как бы за скобками. В России XXI века без апелляций к науке уже нельзя. А в Иране вполне еще вполне можно: разные социокультурные среды.

² См.: Дугин А.Г. Выступление на учредительном съезде политической партии «Евразия» // Программа политической партии «Евразия»: Материалы учредительного съезда. М.: Арктогея-Центр, 2002.

Основополагающая Идея, если следовать дугинскому канону, может быть разной. Марксистской (то будет советская версия идеократии), исламской (соответственно шиитская или суннитская идеократия), национал-социалистической (гитлеровская идеократия). А также, понятно, чучхеистской, джамахирийской, православной и т.п. Самому А.Г. Дугину более всего нравится основополагающая Идея про евразийство, которую он усиленно рекомендует болящей Родине как универсальное средство исцеления.

Ничего неожиданного здесь опять же нет — всего лишь апгрейд запрещенных в Советском Союзе соображений видного марксиста Жоржа Сореля о социальном мифе как двигателе истории. Новость в том, что сам подход стал по-ленински рациональным. Ильич честно признавал, что всеобъемлющую и победоносную идеологию марксизма оформляет и продвигает в массы некоторая группа специально подготовленных людей — пролетарская партия во главе с ЦК. В программе, которую А.Г. Дугин предлагает для России будущего («демократического государства России-Евразии»), аналогичная группа товарищей называется геополитической элитой, или геополитической администрацией. Вопрос о механизме формирования администрации вежливо зажеван. Собственно, и здесь тоже все знакомо: В.И. Ленин объяснял, что рабочие массы сами не могут выработать правильную политическую программу и потому нуждаются в услугах продвинутого политического авангарда. Во главе которого он скромно видел себя. Понятно, такой теоретический подход не может не нравиться идеократической администрации, которая ради пребывания во власти охотно соглашается служить генератором хоть марксистской, хоть геополитической, хоть евразийской идеологии. Православная вера тоже годится.

К сожалению, у А.Г. Дугина и В.И. Ленина есть общая методологическая слабость. Кто им внушил, что они поймали истину за хвост и Россию спасет именно Идея евразийства (в первом случае) или коммунизма (во втором)? Вдруг ей нужна какая-то другая, им неведомая животворная Идея. Или (страшно молвить) она может вообще обойтись без государственной идеологии и вдохновленных ею чип-н-дейлов, неустанно спешащих на помощь. Как обходятся (по алфавиту) Австралия, Бразилия, Британия, Германия, Канада, США, Франция, Япония...

Если бы Идея снисходила к ним в виде Божественного Откровения — тогда вопросов нет. Тогда система замыкается и становится логически неуязвимой: верим, потому что верим. Беда в том, что большевики и А.Г. Дугин функционируют в заметно изменившейся со времен Средневековья социокультурной среде, для которой ссылки на Небо в качестве источника власти уже маловато. Действенное объяснение должно быть правдоподобным. Понятие правдоподобия изменяется в пространстве и времени вместе с эволюцией общества. Применительно к достаточно интеллектуально развитой России/СССР это означает, что мобилизационная Идея должна иметь хоть сколько-нибудь наукообразный вид.

Собственно, В.И. Ленин так и действовал, решительно утверждая, что идея (у него, как материалиста, со строчной буквы) неизбежности и благотворности коммунизма *научно доказана*. Что, конечно, грубая натяжка. Сам К. Маркс признавал (а Ленин в «Государстве и Революции» обильно цитировал), что факт существования классов и классовой борьбы был известен задолго до него. Себе в заслугу он ставил не это, а *доказательство* антагонистического характера этой борьбы и ее неизбежного завершения социальной революцией с последующим установлением диктатуры пролетариата. Что хорошо и прогрессивно, ибо ведет к коммунизму. А лучше коммунизма ничего и вообразить нельзя. Очевидно же: «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»!

Тонкость в том, что как раз эта (главная и «очевидная») часть ленинской доктрины с научной точки зрения так и осталась недоказанной. Классовые противоречия и борьба, похоже, действительно имеют место, а вот непримиримый революционный антагонизм наблюдается только в довольно узком и специфическом наборе социокультурных сред. В развитых неидеократических государствах пролетариат и буржуазия научились как-то между собой договариваться и находить компромиссы. Судя по практическим результатам, у них неплохо получается. Во всяком случае, они, в отличие от идеократического СССР, продолжают объективное существование.

Более того. Непонятно, как вообще можно что-то *научно доказать* применительно к будущему — хоть ту же неизбежность наступления коммунизма. Можно предположить, спрогнозировать, разработать пучок более или менее правдоподобных сценариев — это да. Но откуда Марксу с Энгельсом было ведомо, что производительность обобществленного коммунистического труда непременно окажется выше, чем частнособственнического, плановое регулирование будет эффективней рыночного и с установлением диктатуры пролетариата исчезнут войны и эксплуатация? У них что, была машина времени? Вроде бы нет. Или, может, Ф. Энгельс поставил натуральный эксперимент, отдал одну из своих текстильных фабрик под управление трудящимся, а потом сравнил производительность и конкурентоспособность? О таком тоже никто не слышал. Почему же тогда марксистам было знать, что с упразднением классовых противоречий непременно исчезнут и противоречия национальные, геополитические, расовые, между городом и деревней, мужчиной и женщиной? Откуда такая роскошная уверенность, что общество без классов (а) вообще возможно и (б) прогрессивно?

Ниоткуда. Им просто *казалось*, что это логично вытекает из их постулатов. Они были в этом истово убеждены. Вследствие чего решительно, не считаясь с потерями, взялись осуществлять свой величественный эксперимент не над одной текстильной фабрикой, а над целой огромной страной. Которая (в отли-

чие от других социокультурных сред) по каким-то своим сложным причинам не смогла дать им достаточно жесткого и своевременного отпора.

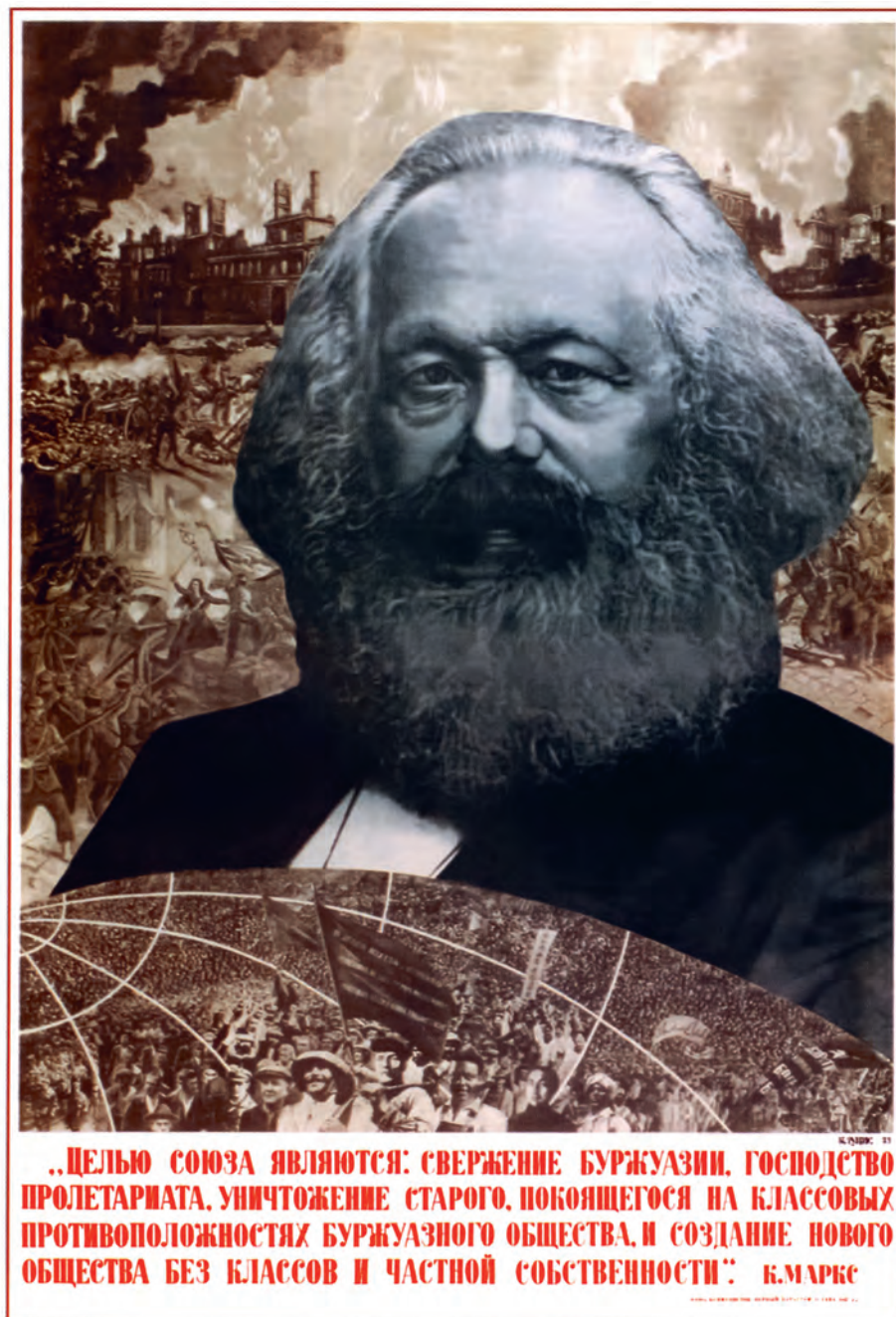
Вопрос о правильности самих постулатов («аксиом»), равно как и вопрос о строгости последующих логических доказательств («теорем»), для таких людей решался в другой сфере, где наука уступает место вере. Или мифу. Советские граждане в своем большинстве действительно верили, что живут в обществе без классов. Хотя, казалось бы, по марксистской методологии все предельно ясно: собственностью, средствами производства и всем государством овладел новый класс (социальная группа)³ советской номенклатуры/идеократии/бюрократии. Который и решает, кому из трудящихся сколько выдать кубических метров дров или квадратных метров жилья. Куда кого поставить на службу и сколько деревянных рублей положить в оклад жалования. Дело лишь за тем, чтобы убедить трудящихся в том, что этот новый класс представляет их коренные («классовые») интересы и функционирует исключительно ради них. А это как раз задача для проповедников-пропагандистов. Все во имя человека, все для блага человека. Партийный авангард, как всем известно (а значит, «очевидно»), есть плоть от плоти народа, его лучшая часть, надежда и опора. У большевиков это называлось идеологическим воспитанием масс.

В систему воспитания входят и рассуждения про невероятную мощь научных доказательств. Можно согласиться, что капитализм довольно дрянная система. К тому же склонная болеть циклическими кризисами перепроизводства. Это правда. Но из нее никоим образом не следует, что социализм непременно будет лучше. Может, будет, а может, и нет. Пока на практике не убедишься, не узнаешь. Вдруг у него вместо кризисов перепроизводства обнаружится неожиданная склонность к кризису недопроизводства? Да к тому же не к циклическому, а хроническому, известному под именем товарного дефицита.

Нет-нет, что вы! Это невозможно. Он же социализм! Он лучше и справедливей. За него все прогрессивное человечество, и не надо нам здесь подбрасывать. Мы же прекрасно знаем, что Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин все научно доказали и по полочкам разложили. Нам еще в школе все рассказали. А кто не понял, тот просто плохо учился.

Вот именно: раз люди верят, значит так оно и есть. По крайней мере, в рамках их социокультурного канона. Поскольку речь идет о России конца XIX — начала XX века, заставить поверить, не обращаясь к авторитету науки, уже было невозможно. Революционеры это уловили острым чутьем народных трибунов и, решительно приватизировав научный словарь, погнали с его помощью девятый вал самой вульгарной псевдорелигии. Идеократы же!

³ См.: Восленский М. С. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.

Плакат 1933 г. Автор Г.Г. Клуцис (1895–1938). Известный советский авангардист, основатель советской школы графического коллажа, автор многочисленных политических плакатов. Арестован в январе 1938 г. по обвинению в организации террористической группы латышских националистов. Расстрелян в феврале того же года, реабилитирован в 1956 г. Источник изображения: www.my-ussr.ru

Кто смел, тот и съел. Они были смелы, напористы и, главное, невероятно убедительны. Публично спорить с ними — все равно что с изобретателями вечного двигателя. Гляди, товарищ: ежели все сделать по уму да еще устранить трение, то машинка помчится вперед к светлому будущему со свистом! Знай, буржуй, успевай поворачиваться! А вы, гражданин, что с кислой рожей? Может, вам не нравится научно-технический прогресс? То-то, мы глядим, и пиджачишко какой-то буржуазный... Еще и очки надел! Прислужники, фарисеи, клеветы, эксплуататоры! Паразит недобитый. Кровопийца. Короче, к стенке его, ребята...

Эмпирическое знание говорит, что опровергнуть изобретателя вечного двигателя в теоретическом диспуте до определенного исторического этапа было вообще невозможно. Вот вам чертеж, вот расчеты. Все с цифрами и фактами в руках. Не извольте беспокоиться, поедет как миленький... Факт истории естествознания состоит в том, что невозможность этого замечательного сооружения была доказана отнюдь не в теории. Напротив, только практическая (более тысячи лет) летопись неудачных попыток соорудить нечто подобное в конце концов привела к созданию теоретических основ термодинамики и т.д. Да и то еще лет пятьдесят после этого физикам приходилось спускать с лестницы остаточных маньяков с их проектами. Пока тема как-то сама собой не остыла. Возможно, потому, что наиболее энергичные маньяки от проектирования вечного двигателя перешли к проектированию светлого будущего.

Замечательный для своего времени труд Карла Маркса дает многочисленные примеры скрытой зависимости формальной логики от неформальных допущений. Например, Маркс упорно настаивает, что капиталу объективно свойственно наращивать свою «постоянную» составляющую в ущерб «переменной». Или, говоря современным языком, инвестиции в материальную базу (станки, цеха, сырье) вместо оплаты труда. Что автоматически означает абсолютное и относительное обнищание трудящихся, доля которых в итоговой стоимости продукции обречена падать. «С прогрессом накопления отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т.д., так что... в рабочую силу последовательно превращается не $\frac{1}{2}$ его общей стоимости, а лишь $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и т.д.»⁴.

Дело не в том, что утверждение в принципе ошибочно (в эпоху Маркса, когда вопрос о качестве и квалификации рабочей силы пребывал в тени, оно как раз было близко к реальности или, во всяком случае, смотрелось правдоподобно), а в том, что для мышления середины XIX века научным считалось то, что функционирует как бы само по себе, без учета человеческого фактора. Объективно, материально и точно по расписанию. Подобно *движению небесных тел* — если

⁴ Маркс К. Капитал : Критика политической экономии. Т. 1. М. : Терра. С. 321.

пользоваться собственным выражением Маркса. Весь пафос его главного сочинения заключается в стремлении к этому канону: капитал действует как бездушная деперсонифицированная машина, пожирающая человеческий труд и сырье ради производства прибыли. Любой болван, преступным (а каким же еще?!) способом разжившийся достаточной суммой, включается в производственный цикл и дальше может курить бамбук, в то время как на его жирное брюхо работает армия наемного труда, обреченная на прогрессирующее обнищание.

Роль и стоимость субъективного управляющего фактора (в современном кибернетическом понимании) у Маркса сведены к нулю. На что ему справедливо указывали критики — естественно, без ссылок на кибернетику, которая появилась почти на сто лет позже. Но ведь и без Норберта Винера было несложно догадаться, что правильный выбор производственного сектора, продумывание и организация технологической цепочки, оценка коммерческих рисков, поиск кредита (ведь не только с кистенем на большой дороге добывается первичный капитал!), ведение конкурентной борьбы, стратегии модернизации, решение социальных проблем — очень важная, прямо скажем, ключевая часть организации бизнеса. Она называется менеджментом и должна стоить значительно дороже рабочей силы хотя бы потому, что ошибка в выборе стратегии может обойтись в тысячи раз дороже, чем ошибка рабочего на конвейере. Следовательно, и асимметрия в распределении доходов, как механизм, стимулирующий собственника к организации и развитию бизнеса, есть явление нормальное, неизбежное и по-своему справедливое.

Понять это несложно — если стоит задача понять. Если же вместо этого стоит задача вздыбить рабочие массы, перехватить власть и сделаться гегемоном — тогда и понимать нечего: «Вы, товарищи, тут корячитесь, а они жируют!!»

На самом деле собственники и менеджеры, стремящиеся к увеличению прибыли, могут наращивать ее за счет ужесточения эксплуатации трудящихся только в условиях неисчерпаемого рынка рабочей силы, ее близкой к нулю квалификации и полного отсутствия конкуренции предпринимателей на рынке труда. В европейской реальности эти условия практически не встречались даже во времена Маркса, не говоря о более поздних. Поэтому да, с одной стороны, капиталист вынужден совершенствовать технологии, покупать станки, оптимизировать производство (= наращивать «постоянный» капитал). Но, с другой стороны, он точно так же вынужден повышать профессиональный уровень работников и поднимать им заработную плату. Чтобы не ушли к конкуренту. Марксисты прекрасно видели этот процесс, но считали его неправильным, называли «зарождением рабочей аристократии» и клеймили как предательство высших классовых интересов пролетариата. Высшие же интересы в их системе верований заключались в максимальном обострении антагонизма ради социальной революции.

То, что рост зарплат может отставать от роста прибыли, — верно, хотя необязательно. При желании это с некоторой натяжкой можно толковать как «относительное» обнищание трудящихся. Однако Маркс настаивал именно на «абсолютном» — что прямо противоречило фактам.

Возразить на научную критику с этой стороны ему было нечем. Точнее, нечем в рамках науки. Поэтому он отвечал, решительно выходя за ее рамки — в ненаучную область нравственных спекуляций и горлодерства. Фарисеи, сикофанты, святоши, плутократы, сребролюбцы, кафедральные профессора, прислужники капитала, филистеры, иезуиты, двурушники... Было бы полезно составить канонический словарь марксистско-ленинской брани. Со временем (от Маркса к Сталину) слова становились все расплывчатей и страшней: паразиты, отравители, кровососы, убийцы, расстрелять как бешеных собак... Довольно специфическая эволюция терминологического аппарата. А в начале пути была всего лишь скромная подмена научного дискурса пропагандистским напором. Частная собственность есть преступление (что тоже не ново — Прудон). Новорожденный капитал источает грязь и кровь каждой своей порой. Ради 300% он готов рискнуть виселицей...

Э-э... постойте, товарищ! Можно еще разок: чем готов рискнуть? Нас же учили, что все учреждения буржуазного государства созданы капиталом и ради капитала. Тогда откуда, простите, виселица? Разбойничьему капиталу, который источает каждой своей порой, она точно неинтересна. А кому интересна — может, феодалу? Как-то не кругло (пользуясь выражением В.И. Ленина) у вас выходит. Надо бы поглубже разобраться с устройством этого самого капиталистического государства... Если оно есть комитет по делам буржуазии, то не должно быть виселицы. Если есть виселица, значит оно комитет по делам чего-то еще, а не только разбойничьего капитала.

Конечно, подобные мелкомасштабные умствования великому Марксу и его последователям совершенно неинтересны. А что им интересно? Вот как раз с этим и стоило бы разобраться. Чем готовы рискнуть вожди народных масс, на какие преступления пойти? И, главное, ради чего. Ради народного счастья или ради абсолютной власти? После получения которой кто же посмеет их осудить — перспектива виселицы отпадет сама собой.

У Маркса много доброкачественной науки. Однако в самых ключевых моментах он срывается на уровень площадной пропаганды — помимо воли раскрывая реальную шкалу своих приоритетов. Мобилизация масс важнее экспертной добросовестности. Во всяком случае, каждый раз, когда ему приходится выбирать между научной строгостью и классовой мобилизацией, он выбирает мобилизацию.

Не забывая при этом подчеркивать истинно научный (следовательно, неотвратимый, ибо объективный) характер своего учения. В частности, ради этого

он деперсонифицирует капитал. Целеустремленно формирует его механистическую и бесчеловечную ментальную модель. Не только в этическом, но и в функциональном смысле. Во-первых, так оно наукообразней. Во-вторых, снимает ограничения нравственного порядка. В-третьих, сильнее с точки зрения мобилизации масс. Коли капитал — бездушная машина, в которой субъективный менеджмент не играет никакой роли, то при изъятии средств производства у буржуазии и передаче их пролетариату машина продолжит работать точно так же. Но уже в интересах пролетариата! Небесные тела будут вращаться столь же размеренно. И даже лучше, ибо исчезнет паразитическое звено, жиреющее на крови и поте пролетариата.

Умозрительно это смотрелось очень сильно. Отлично вписывалось в прогрессистский мейнстрим, каким он сложился в европейской культуре XIX века. Но действительность оказалась сложней. Убрав субъективный стимул в виде частной прибыли, социалистическая модель лишила экономику мотивации, убила инвестиционный интерес, снизила аппетит к риску и модернизации. И вопреки теории получила на выходе снижение производительности труда наряду с экономическим торможением. Что быстро отразилось в снижении качества жизни трудящихся. О которых марксизм как бы более всего заботился.

Прискорбные материальные итоги социалистического эксперимента с каждым прожитым десятилетием выпирали на поверхность все откровеннее. И, соответственно, требовали все больших идеологических и полицейских хлопот для маскировки и ретуширования. В основе советской идеократии лежала социокультурная матрица, изначально заточенная не на познание объективной реальности, а на мобилизацию масс. Что по умолчанию подразумевает упрощение пропагандистской картинки и ее первородство в сравнении с материальной действительностью. То есть взлет в небеса безудержной пропаганды и — как ни странно это прозвучит — самый заурядный идеализм. Потому что, пользуясь ленинской терминологией, именно Идея (коммунизма, диктатуры пролетариата, Всемирной Республики Советов...) парадоксальным образом у них оказывается первичной. Советские люди должны были *верить*, что они свободны от эксплуатации, что они живут лучше, чем при капитализме, что загнивающий Запад обречен и весь мир смотрит на СССР с завистью и надеждой. И они верили! Некоторые верят и сегодня.

Для большевиков отказ от вдохновляющей легенды был равносителен отказу от власти. На этой развилке советская вертикаль вслед за Марксом всегда выбирала мобилизующий миф, легко принося хлеб в жертву зрелищам. Хороший повод по-другому взглянуть на приоритеты режима: если ради идеократической гегемонии надо пожертвовать миллионом-другим народонаселения — да пожалуйста! Начинаем с разного рода умников, которые вставляют палки в колеса, а затем переходим к простонародью. Чтобы боялось и слушалось. Закономерным следстви-

ем такого подхода стала nepозволительная задержка с осознанием материального тупика, в который марксисты загнали страну. И фатальное опоздание с лечением.

На ранних этапах распространения Учения именно дух механистичности и упрощения привлек к нему энтузиастов, которые его подхватили и понесли в массы. Тот классический случай, когда для каждой сложной проблемы популисты имеют простое и «очевидное» неправильное решение. Отсюда блестящая мысль о кухарке, которая должна научиться управлять государством (делов-то!), и шариковское «взять все, да и поделить».

Важна историко-географическая экспликация процесса. Общепринятая теоретическая простота (которая значительно хуже воровства) на практике реализовалась не в Британии или в США, но сначала на обширных пространствах Центральной и Восточной Европы. Затем, через поколение, в Азии. Еще через пару поколений — в Африке и Центральной Америке. Арал марксизма на рубеже XIX и XX веков совпал с пространством, где социокультурная среда была уже достаточно продвинутой, чтобы воспринять модную лондонскую Идею, но в то же время недостаточно зрелой, чтобы дать ей рациональный отпор. Как сформулировал один из наблюдателей той поры, Россия *поверила* в социализм прежде, чем научилась его *понимать*. Что же касается Африки и Азии, то сюжет был для них еще сложноват. Он стал им впору только во второй половине XX века — не без братской помощи идеями и оружием со стороны СССР.

Из промежуточного когнитивного статуса, вообще говоря, возможны минимум два выхода: вперед и назад. Но большинство тогдашних критиков марксизма видели лишь один. Назад! Они хором жалуются на слабость веры или монархии, чуждые западные веяния, дефицит казаков и нагаек. В этом есть свой резон: в Иране, Афганистане, Турции и Китае если бы кто-то и смог раскатать протест на базе социального мифа, то, скорее всего, этот миф не был бы марксистским. Племенным, религиозным, национальным — каким угодно, только еще более примитивным.

Однако Россия в смысле комплексного развития опережала эти территории минимум на два-три поколения. Если бы на пять-шесть — возможно, обошлось бы без переворота. Сам Маркс не без удивления пишет, что русские аристократы (которым он открыл глаза на мир?) чуть ли не носят его на руках. Рациональная же публика Западной Европы и США относится заметно прохладней, чем вызывает у него раздражение, а порой и негодование. Там его построения встречают вполне содержательную критику, на которую трудно возразить. На Западе он воспринимается как один из многих социально-экономических мыслителей, создавший сильную научную школу, но не как гений всех времен и народов. Иное дело более восточные регионы — здесь он скорее вождь, демиург и спаситель.

Натяжки и перегибы, в изобилии имеющиеся в «Капитале», не были бы так опасны, если бы теория оставалась в свободном обороте научных идей — как

в Западной Европе и Америке. Вместо этого в России из нее слепили орудие идейной борьбы и объект непререкаемой веры. Надо признать, сама теория так устроена, что наиболее яркие ее разделы действительно проходят скорее по ведомству веры, чем науки, и последователь Маркса Жорж Сорель одобрительно отметил эту ее особенность раньше других.

Ради вовлечения широких масс Маркс редуцировал всю сложность мира до антагонистического противостояния классов, научные тезисы сделал лозунгами, унизил (с точки зрения Сореля возвысил!) науку до статуса пропаганды и заставил ее служить мобилизующим мифом. Сокрушая оппонентов с помощью далеких от науки полемических приемов, он превратил свою гипотезу в средство идеологического доминирования. В итоге сильная, но дискуссионная *концепция* превратилась в безапелляционную *веру*, а выстроенная на ее основе власть выродилась из демократии в идеократию. В тех социокультурных ареалах, где веру и науку удалось слить воедино, это не пошло на пользу ни науке, ни вере. Ни тем более самим ареалам, угодившим под размашистый идеократический эксперимент.

Основной вопрос, на который должна ответить доброкачественная история (историография) нашей страны, довольно прост. Почему на планете есть гибкие и многомерные социокультурные среды, где изобретателей коммунистического рая довольно быстро научились распознавать и спускать с лестницы подобно изобретателям вечного двигателя — при этом не слишком ограничивая их права сочинять и публиковать свои вдохновенные опусы? И почему есть другие, менее устойчивые среды (Россия в их числе), где токование революционных тетеревов сначала пытались пресечь ногайками, а потом, когда ногаек не хватило, покорно восприняли как носителей новой неоспоримой Истины, основы новой вертикальной идеократии? Значительно более примитивной и жесткой, чем прежняя. Но с таким же катастрофическим обломом в конце.

Так случайно получилось или сработала некая историческая предопределенность?

Ситуацию проясняет тот самый Жорж Сорель, которого в СССР держали за анархо-синдикалиста и ни в коем случае не издавали. Что было совершенно разумно, ибо в своей «новой школе марксизма» он трактует идеи автора «Капитала» лишь как одну из многих возможных версий социального мифа, консолидирующего массы. Наравне с не менее эффективным мифом фашизма, который с благословения Сореля раскручивал в Италии молодой да ранний Бенито Муссолини.

Еще раз, по буквам: СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ. Который, чтобы быть успешным, вовсе не должен быть научным. Наоборот! Его внутренняя структура откровенно заимствована у религии. Сорель прямо так и пишет — наукообразный марксизм на самом деле выстроен по структурному шаблону Апокалипсиса:

проповедь долгой и непримиримой борьбы сил Добра и Зла с очистительной огненной бурей в конце. Священная и неизбежная революция (Армагеддон). После чего наступает всеобщее счастье, равенство и братство. Праведники следуют в коммунистический рай, а их враги низвергаются в ад исторического небытия. И это правильно, объясняет Сорель, потому что так легче достучаться до социальных низов; им требуется что попроще. По умолчанию подразумевается, что Священная война ведется под руководством партии пролетарского (национального, религиозного, фашистского, расового — нужно подчеркнуть) авангарда. Которая и поднимает народные массы на последний и решительный бой с помощью той или другой социальной мифологии.

Примерно такую же картинку — только чуть прагматичней, ибо на два поколения позже — рисовал для своих сторонников и Муссолини. Он, кстати, вырос в социалистической среде и начинал как марксист. Его отец — кузнец-пролетарий, ярый последователь Маркса; юный Бенито уже в 1912 г. был одним из лидеров Итальянской социалистической партии, редактировал социалистическую газету «Avanti!» («Вперед!») и вместе с другими функционерами Социинтерна активно готовил пролетарскую революцию в Европе. Но вскоре разочаровался.

Программные пункты его следующего политического проекта — Partito Nazionale Fascista — дублируют социально-экономические лозунги, с которыми выходили к народным массам все революционные вожди, включая В.И. Ленина. Гарантированный минимум зарплаты, восьмичасовой рабочий день, равные избирательные права для всех, включая женщин; демократия, роспуск антинародного парламента (сената), включение трудящихся в руководство базовых промышленных отраслей; прогрессивный налог на богатых; экспроприация крупной земельной собственности; национализация военной промышленности. А главное — строительство единого общенародного (в терминах дуче — фашистского, то есть сплоченного) государства.

Издание Сореля в СССР подорвало бы основополагающую веру в эксклюзивность марксистско-ленинского Учения, которое единственно всесильно, потому что верно. Его книги, как яркое явление социальной мысли, безусловно, пошли бы на пользу рациональному пониманию советской политической модели. Но одновременно — увы! — ослабили бы ее идеократические основы. Сам по себе факт столетнего изъятия марксиста-классика из советского информационного пространства (главная книга Сореля «Размышления о насилии» была переведена по-русски в 1906 г. и потом переиздана только в 2011 г.) служит практическим подтверждением его ключевого тезиса. По крайней мере, применительно к советскому мифогенному строю.

Запрет марксистов на марксистскую мысль опять приоткрывает реальный приоритет советской номенклатуры, которая много и охотно теоретизи-

рует о *научных основах*, но на практике сразу их забывает, как только почует угрозу своей властной монополии. Цензура чужда науке, но жизненно необходима идеократии. Точно так же ведут себя и Муссолини с Гитлером, да и все прочие глашатаи и гегемоны: власть прежде всего. По-итальянски — дуче. По-немецки — фюрер. По-туркменски — сердар (а также Туркменбаши — Отец всех туркмен). По-русски — вождь (и тоже Отец народов). Каждый из них строил свою идеократию, творил свой героический эпос и создавал свою агиографию. Естественно, глубоко научную, единственно верную и неопровержимую. У Сталина это получилось лучше всех. Но тоже не навсегда.

Интересно, что в дореволюционной России, которую советская версия агиографии привычно именуется темным царством цензуры, первый том «Капитала» был легально напечатан Н.П. Поляковым еще в 1872 г., всего через пять лет после выхода немецкого оригинала. Книга считалась научной и цензуре вообще не подлежала. Через два поколения в СССР даже подумать было невозможно о научной публикации Ж. Сореля, партийной программы классово близких итальянских фашистов или 25 программных пунктов национал-социализма Гитлера — Дрекслера. Дабы не смущать слабые души явным сходством с посулами большевиков. Снижение стандартов научной свободы в Советском Союзе в сравнении с империей Романовых бесспорно. Но люди, учившиеся в советской школе, приучены видеть прямо противоположное: свобода слова пришла в СССР только с Октябрьской революцией! И вот поди им докажи.

Нам, как жертвам воспитания нового советского человека, внушили, что фашизм и нацизм являются антинародной идеологией крупного капитала. Мы привыкли и поверили. Хотя на самом деле они являются столь же заурядными разновидностями вождизма/популизма, что и ленинизм. Их главная, хотя неартикулированная цель — раскатать народные массы, чтобы разрушить постылый порядок вещей (который и вправду далеко не идеален). Вдохновить и возглавить. Уничтожить и воздвигнуть. Людей посмотреть и себя показать. В инструментальном и структурном отношении они мало отличаются от коммунистической доктрины: щедрые люмпен-пролетарские посулы под псевдонаучной оберткой.

Из сказанного ни в коем случае не следует, что при царях в России был рай земной и народы благоденствовали. Хотя именно к такому выводу подталкивает советский (= антисоветский) социокультурный шаблон: раз не Ленин, значит царь. Если против Сталина, значит за Гитлера. Видишь слабости у Маркса — значит, прислуживаешь эксплуататорам... Гипотезу о том, что возможен некий третий вариант, советская логика отвергает с порога. Она ее просто не видит в силу черно-белого устройства очей. И, главное, другим не дает. Хотя именно в структурной многомерности заключается разница между цивилизованной и варварской когнитивными схемами. Двоичный («бинарный») код неприми-

римого советского мышления и его отличия от более многомерных ментальных структур Запада подробно разобраны в трудах Ю.М. Лотмана⁵, И.Г. Яковенко и А.И. Музыкантского⁶ и многих других.

Работы А.Г. Дугина хороши тем, что наглядно показывают, кем, как и для чего конструируются линейные социокультурные среды, где функции идеологического, политического, религиозного, военного и хозяйственного менеджмента редуцированы и слиты в некое единое — и потому примитивное — целое. Он считает это органическим благом — по крайней мере, для России. Поскольку приоритет всеохватывающей Идеи (Ж. Сорель сказал бы «мифа») подразумевает бескомпромиссную защиту от конкурирующих влияний, историография в таких средах закономерно вырождается в агиографию, а экономика, статистика и вообще гуманитарная наука — в разновидность пропаганды. Цензура расцветает буйным цветом. Для возвращения к счастливым средневековым временам духовности, единообразия, симфонии власти и народа приходится запугивать или истреблять тех, кто в профессиональном или эстетическом плане продвинулся слишком далеко, чтобы верить в этот чудовищный треш. Отсюда функциональная необходимость репрессий и информационной изоляции. Иначе идеократии не устоять перед лицом более богатого и разнообразного внешнего мира.

Возможно, со всеми этими ограничениями еще можно было бы примириться, но подобные социокультурные среды всегда (всегда!) проигрывают объективное *материальное* соревнование с более продвинутыми соседями. КНДР, Куба, Иран, итальянский фашизм, гитлеровский нацизм, СССР... Каждый по-своему, но все проиграли. Китай? Дэн Сяопину еще в конце 70-х хватило ума аккуратно отмежеваться от коммунистической твердокаменности и с черного хода впустить частную собственность, рыночную экономику, конвертируемый юань и иностранный капитал. То есть без лишнего шума заняться реставрацией капитализма вместе с его мотивирующими механизмами. При этом настоящие проблемы с политическим менеджментом у Китая только начинаются. Темпы роста замедляются, запросы населения растут. Роботизация сокращает нужду в ручном труде, что плохо сказывается на перспективах глобальной китайской фабрики. Что-то там будет. И довольно скоро.

Нас, однако, интересует Россия. Самым масштабным в мире крушением идеократического режима стал распад СССР. Дело за малым: понять, почему он так долго (целых три поколения!) продержался. И почему так легко развалился в конце. Одна из гипотез заключается в том, что его погубила вера в исто-

⁵ См.: Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992.

⁶ См.: Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М. : Русский путь, 2011.

рический материализм: Горбачев, оказавшись в позиции Дэн Сяопина, решил начать с противоположного конца, допустив критику идеологии, но всячески тормозя возвращение частной собственности и рыночной экономики.

Прагматичный же китаец предпочел сохранить идейные иллюзии для масс, зато широко открыл ворота частной инициативе в материальном базисе. То есть действовал скорее по рецепту Сореля, считавшего миф основой основ. Наш, напротив, отворил шлюзы гласности, но не решился уступить частнику производственную сферу. Будучи глубоко травмированными марксистско-ленинской «очевидностью», Горбачев и члены ЦК, похоже, всерьез верили, что материя («базис») важнее идеологии. Эмпирика показала, что скорее наоборот. По крайней мере, для идеократических режимов.

Так или иначе, Дэн свою игру выиграл, а Горбачев проиграл.

Агиография. Сталин и героический эпос

Пушкин назвал Карамзина первым нашим историком и последним летописцем. Очень точная формула: летописец констатирует факты, а историк (историограф) их интерпретирует. Вычленяет главное, отбрасывает второстепенное, выстраивает логические цепочки и таким образом формирует более-менее правдоподобный (для современников) образ прошлого. Естественно, плод его усилий не может быть свободен от пристрастий, навязанных культурой или персональными слабостями. Идолы племени, идолы площади, идолы склепа, о которых предупреждал еще Фрэнсис Бэкон.

Собственно, с летописями тоже не все так просто — многие из них задним числом корректировались с целью подгонки под актуальный политический миф. Да и писались они далеко не в стерильной академической среде. Обычно даже не современниками (прямыми свидетелями событий), а живущими много позже переписчиками и авторами более или менее произвольно составленных летописных сводов. Р.Г. Скрынников документально зафиксировал, как государь Иван IV (Грозный) правил летописи задним числом⁷. В интересной работе А.А. Амальрика, опубликованной через полвека после написания, со ссылками на акад. А.А. Шахматова детально разобраны позднейшие вставки, связанные с переосмыслением и редактированием «Повести Временных лет»⁸. Но смелее всех прошлое ради укрепления своего идеократического режима редактировал И.В. Сталин. Этой темы коснемся позже, а пока согласимся, что в главном Пушкин все-таки прав и разница между летописцем и историком есть. По крайней мере, теоретически.

⁷ См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. М. : Наука, 1992.

⁸ См.: Амальрик А.А. Норманны и Киевская Русь. М. : НЛЮ, 2018.

Ф. Шлегель в русле близких рассуждений определил историка как пророка, предсказывающего прошлое. В 1924 г. Б. Пастернак, ненароком, наугад или в целях конспирации сменив фамилию философа, обул сюжет в стихи: «Однажды Гегель ненароком / И, вероятно, наугад, / Назвал историка пророком, / Предсказывающим назад». Так или иначе, неизбежность некоторой предвзятости в исторических интерпретациях была осознана европейской (и, следовательно, тогдашней русской) мыслью достаточно давно.

Через пять лет после Пастернака, в 1929 г., главный партийный историк, член ВЦИК, ЦИК СССР, Президиума ЦКК ВКП(б) академик М.Н. Покровский попытался перевести проблему с буржуазно-субъективистского языка на объективный язык классового подхода: «История — это политика, обращенная в прошлое». Встречается и более метафоричная формула «политика, опрокинутая в прошлое». Вскоре (в 1935–1936 гг.) И.В. Сталин устами своих приближенных эту мысль отверг вместе с ее автором. К счастью для последнего — посмертно, но его ученикам за заблуждения досталось по высшей мере.

Вождю хотелось непростого: чтобы, с одной стороны, история по достоинству оценила его выдающийся личный вклад (наравне с Петром Великим и Иоанном Грозным), а с другой — чтобы оценка ни в коем случае не была политически конъюнктурной. Напротив, ей надлежало быть объективной, исторически взвешенной, обусловленной всем ходом предшествующего развития человечества. Простоватый марксист Покровский этому требованию не мог соответствовать по определению. Старательно опрокидывая в прошлое заветы Маркса и Ленина, он и его школа сурово осуждали антинародную империалистическую политику русских монархов, включая того же Иоанна Грозного. Она-де была экспансионистской, вела к понижению культурного уровня, экономическому регрессу, упадку промышленности и торговли в завоеванных землях. А также слишком дорого стоила самой Руси. «Население Казанского ханства еще 6 лет после падения своей столицы ожесточенно сопротивлялось, и русские города, построенные в новопокоренной области, все время “в осаде были от них”... По словам Курбского, при усмирении погибло столько русских служилых, что и поверить трудно: “иже вере неподобно”», — сообщал большевик-ленинец М.Н. Покровский в своей политически ошибочной книге «Русская история с древнейших времен», изданной в 1922 г.⁹

Меж тем к середине 30-х годов в верховной голове Советского Союза сложилась совсем другая картина мира. Там Иоанн Грозный был не империалистом, а великим собирателем земель русских, искоренителем крамол и создателем несокрушимой властной вертикали. То есть как бы историческим предтечей самого Отца народов. Именно этот, единственно верный взгляд на прошлое

⁹ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М.: Госиздат, 1922. С. 320–321.

и надлежало объективно обосновать советской исторической науке, которая на глазах съезжала к уровню и функциям агиографии. Старик Покровский давно утратил политическое чутье и с группой примкнувших к нему отщепенцев преступно распространял заведомо ложные измышления. Причем делал это за 10 лет до того, как тов. Сталин вошел в административную силу. То есть предательски воспользовался временными трудностями, которые переживала советская власть, чтобы заранее нанести ей удар в спину и свить гнездо ядовитых последышей. Ну как было не расстрелять таких мерзавцев? Заодно и другим урок: чтоб впредь знали, кто у нас является источником исторической истины. Назрела необходимость вернуть доброе имя объективному историческому материализму, закономерно выводящему на поверхность выдающихся людей типа И.В. Сталина. Понятно, решить столь многоплановую задачу было никак невозможно без проникновения в самую суть марксистско-ленинской диалектики. Карл Радек и Николай Бухарин успешно проникли; Бухарин, кажется, глубже. В результате родилась блестящая теория о том, что в эпоху господства буржуазии история была классовой (следовательно, как у Покровского, предвзятой). Зато после революции, когда Истина, по большому счету, уже обретена, народы освобождены и никто не смеет навязывать пролетарским мыслителям своих оценок, история становится правдивой, объективной, свободной от политической конъюнктуры, полнокровной и «красочной, как сама жизнь».

Именно этой полнокровной и красочной пролетарской истории и надлежало пропеть осанну вождю — объективно и непредвзято. Параллельно создавая комфортный для него образ России прошлого с эпическим героем в лице Ивана Васильевича Грозного с его прогрессивными опричниками.

Странно, что М.Н. Покровский сам не нашел такого простого и изящного эпистемологического хода. Возможно, помешало то, что он уже четыре года как был покойник; счастливо умер от рака. А может, дело в том, что в молодые годы находился под губительным влиянием «легальных марксистов». Немного позже бдительными коллегами были вскрыты и куда более тревожные факты его идейной близости с самим Троцким! Наконец, 27 марта 1937 г. газета «Правда» в статье П. Дроздова прямо называет вещи своими именами. Оказывается, последователи Покровского (поскольку до 1930 г. он числился главным партийным историком, его последователем мог оказаться любой) были «двурушниками, взаимно покрывающими и поддерживающими друг друга и проводившими подлую вредительскую работу, широко пользуясь слепотой, ротозейством и идиотской болезнью — беспечностью некоторых историков-коммунистов».

Таким образом, Бухарин оказался прав: беспристрастность пролетарской истории («красочной, как сама жизнь») была доказана на практике. Хотя ему, как и Радеку, это уже не помогло. Оба были арестованы еще до появления

в «Правде» данного замечательного текста. Бухарина через год расстреляли; Радека якобы забили до смерти сокамерники. Позже выяснилось, что роль сокамерников по поручению И.В. Сталина сыграла спецгруппа НКВД во главе со старшим уполномоченным П. Кубаткиным¹⁰.

Вслед за публикатором А.Н. Артизовым¹¹ бегло перечислим имена самых крупных из репрессированных в ту пору советских историков: декан истфака ЛГУ Г.С. Зайдель, директор Историко-археографического института АН СССР С.Г. Томсинский, замдиректора Ленинградского отделения Института истории Комкакадемии А.И. Малышев, научный сотрудник ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) А.С. Бернштейн, инструктор Института массового заочного обучения при ЦК ВКП(б) М.Л. Ципис, проф. В.И. Невский, с. н. с. Института истории Комкакадемии В.З. Зельцер, замдиректора Библиотеки им. В.И. Ленина по науке И.Г. Кирзин, декан истфака Казанского пединститута Н.Н. Эльвов, проф. Смоленского пединститута Г.В. Ладох, замдекана истфака МГУ М.И. Лурье, проф. Ленинградского института истории, философии и литературы З.Б. Лозинский, руководители Госакадемии истории материальной культуры С.Н. Быковский, Ф.В. Кипарисов, М.М. Цвибак, директор Института истории партии Ленинградского обкома ВКП(б) О.А. Лидак, замдиректора Международной Ленинской школы З.Л. Серебрянский, проф. Сталинградского пединститута Г.Е. Меерсон, историки В.М. Далин, Л.Г. Райский, И.М. Троцкий, И.П. Токин, Е.И. Ривлин, и.о. директора Института истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана Б.Н. Тихомиров, декан истфака ЛГУ С.М. Дубровский (вместе с женой, а после вдовой, проф. Б.Б. Граве), директор ИКП истории Т.М. Дубыня, преподаватель этого же института И.В. Фролов, замдиректора Института АН СССР А.Г. Иоаннисян, директор Историко-партийного Института красной профессуры (ИКП) В.Г. Кнорин, преподаватели этого же института Н.М. Войтинский и А.И. Уразов, научные сотрудники Института истории АН СССР Д.Я. Кин, Е.П. Кривошеина, А.И. Ломакин, Б.М. Фрейдлин, зампред Комитета по заведованию научными и учебными учреждениями ЦИК СССР П.О. Горин, новый директор ИКП истории В.И. Зеймаль, руководитель кафедры всеобщей истории ИКП истории Ф.Ф. Козлов, новый директор Ленинградского отделения Института истории Комкакадемии С.С. Бантке.

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) была вскрыта целая контрреволюционная группа, в составе которой арестованы ответственный секретарь журнала «Пролетарская революция» Л.И. Рыклин, два заместителя

¹⁰ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Радек,_Карл_Бернгардович/

¹¹ См.: Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С. 106; Он же. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х — 1930-е гг. : докторская диссертация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/shkola-m-n-pokrovskogo-i-sovetskaya-istoricheskaya-nauka-konets-1920-kh-1930-e-gg/>

директора ИМЭЛ Е.И. Короткий и В.Г. Сорин и ряд других. И.Л. Татаров, бывший ответственный секретарь журнала «Историк-марксист», тоже был арестован и вместе со своим соратником Я.С. Цейтлиным сгинул в лагерях.

Секретарь парткома Института истории Комакадемии П.И. Анатольев вместе с женой О.И. Жемчужиной арестован как член контрреволюционной группы проф. В.И. Невского и расстрелян 19 июля 1937 г. Заместитель руководителя научно-исследовательской группы по истории пролетариата, заместитель редактора серии сборников «Литературное наследство» П.П. Парадизов расстрелян 20 июня 1937 г. в Бутырке. В.З. Зельцер, в.н. с. Института истории Комакадемии, руководитель издательства «История фабрик и заводов», расстрелян 8 октября 1937 г. в Магадане. А.Г. Пригожин, директор МИФЛИ, расстрелян 9 марта 1937 г. Э.Я. Газганов, одно время замредактора исторического отдела Большой советской энциклопедии, сначала понижен и переброшен на периферию — директором Смоленского пединститута, затем арестован и уже в лагере приговорен тройкой управления НКВД по Дальстрою; расстрелян 26 октября 1937 г. Г.С. Фридлянд, декан истфака МГУ, обвинен в попытке организовать убийство партийных и государственных деятелей СССР и расстрелян 8 марта 1937 г. Н.Н. Ванаг, руководитель авторского коллектива школьного учебника по истории СССР, после многочисленных допросов признался в намерении убить тов. Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу преподавания истории в школах, расстрелян 8 марта 1937 г. С.А. Пионтковский, один из самых ортодоксальных марксистов, обвинен в контрреволюционной террористической деятельности и расстрелян в один день со своими оппонентами Ванагом и Фридляндом 8 марта 1937 г.

Директор ИКП истории Т.М. Дубыня обвинения в терроризме отрицал, но перед лицом неопровержимых улик был вынужден признать, что недостаточно бдительно относился к окружению врагов народа, распорядившись выплатить двухмесячное жалование семьям арестованных Ванага и Фридлянда. Расстрелян 21 июня 1937 г.

Замредактора журнала «Историк-марксист», завкафедрой истории СССР ИКП истории П.С. Дроздов был яростным критиком и завистником М.Н. Покровского — не зря ему выпала честь написать тот самый разоблачительный текст в «Правде». Вскоре он был обвинен в том же, что приписывал Покровскому, а именно в двурушничестве и троцкизме. Расстрелян 2 ноября 1937 г. А.И. Ломакин, завкафедрой истории партии Высшей школы профсоюзного движения, был обвинен в причастности к троцкистской террористической организации (дома у него нашли старые конспекты книг Троцкого); получил 10 лет заключения с конфискацией имущества и сгинул в лагерях. Д.Я. Кин, замдиректора Историко-партийного ИКП, еще в относительно свободные времена имел неосторожность в журнале «История ВКП(б)» упомянуть о колебаниях И.В. Сталина после Февральской революции 1917 г. Был обвинен в принадлеж-

ности к троцкистской террористической организации. Вины не признал, расстрелян 8 февраля 1938 г. П.О. Горин, президент Белорусской академии наук, позже член Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по историческим учебникам, арестован по обвинению в шпионаже на польскую разведку и создании белорусской националистически-террористической организации. Расстрелян 25 апреля 1938 г.

31 марта 1937 г. директор Института истории АН СССР Н.М. Лукин на общем партийном собрании со сдержанной гордостью доложил, что его институт занял первое место в Академии наук по числу выявленных вредителей: только в одном Ленинградском отделении из 20 сотрудников выведены на чистую воду 14 врагов народа. Самого Н.М. Лукина арестовали через полтора года, он умер в заключении.

Понятно, все они были очень нехорошими людьми. Ведь каждому советскому человеку *очевидно*, что тов. Сталин был суров, но справедлив и хороших людей не трогал. С другой стороны, возникает методологический вопрос: как до нас, лично с тов. Сталиным незнакомых, дошли сведения о его суровости, но справедливости? Только через тех, кто выжил, — вероятно, потому, что были хорошими людьми. То есть вели себя правильно, в рамках очерченной Н. Бухариным стратегии свободно и непредвзято рисуя историю такой, какая она была нужна вождю (или, допустим, А.Г. Дугину). Сплоченный идеократией народ должен иметь в голове единственно верную историческую картину, которая, со всей несомненностью, доказывает мудрость и величие вождя.

С тех пор над одной шестой частью суши прошелестело без малого сто лет. Без заметных перемен в социокультурном субстрате. 29 августа 2016 г. известный кинорежиссер А. Кончаловский в «Новой газете» разъясняет: «Объективной истории не существует. Существует ряд фактов, которые так или иначе интерпретируются». Мысль, как мы видели, не сильно свежая. А для XXI века еще и не слишком глубокая. Спасибо, однако, что допускается объективное существование «ряда фактов». Потому что бывает значительно хуже. Министр культуры РФ г-н Мединский продвигается к агиографическим истокам глубже, полагая, что патриотический историк не только вправе, но даже обязан жертвовать неприятными фактами ради укрепления единства и политических позиций Родины. Совместного парада гитлеровских и советских войск в Бресте не было!

Увы, был. Объективная история все-таки существует. И врать по-прежнему нехорошо. Не только потому, что мама не велела, но и потому, что настоящая история все равно достается нам и нашим потомкам в *материальное* наследство. Прежде всего в виде созданных человеком за историческое время антропогенных ландшафтов. Они существуют вполне объективно и накладывают на деятельность последующих поколений реальные ограничения. К западу от Бреста это насыщенная, сложная и урбанизированная окружающая среда, стянутая плотной сетью транспортной инфраструктуры. А к востоку (чем дальше, тем больше) запустелая

степь, военные городки, колхозная безнадежность и раздолбанные дороги. А что касается совместного парада, то материальной платой за него стали, в частности, небывалые демографические потери СССР во Второй мировой войне.

Хотя и здесь многое зависит от устройства оптики. Материальных различий тоже можно не замечать, подменяя их разговорами про духовные скрепы, гидростанции, домны, локомотивы и рисуя золотые луковки церквей, отраженные в вечерней воде. Но материя раньше или позже свое дело сделает. Человека можно вдохновлять газетой «Правда» (и приложенным к ней наганом), а королю нельзя. У нее с сознательностью плоховато. Ее, дуру бессознательную, надо кормить. Иначе не будет ни молока, ни мяса.

На вере, как показывает практика, можно ехать довольно долго и далеко. Но не до бесконечности. А главное, как со временем выясняется, слишком велик риск захватить не туда.

КЛИНИКА ГЛАЗНОЙ ХИРУРГИИ

В 1929 г. СССР готовился отметить десятилетний юбилей Красной армии. И, что значительно важнее, пятидесятилетний юбилей И.В. Сталина. Крупному теоретику военного дела Климу Ворошилову поручена почетная обязанность написать статью «Сталин и Красная Армия». Он очень старается. И, видимо, от волнения позволяет себе недопустимый для марксиста-ленинца промах. «У И.В. Сталина, — пишет Ворошилов, — ошибок было меньше, чем у других». Надо же было ляпнуть такое! Слава богу, тов. Сталин при всей загруженности нашел время внимательно прочитать текст и спасти историю от искажений, а Ворошилова от позора. «Клим! Ошибок не было. Надо выбросить этот абзац», — отечески разъясняет он на полях рукописи¹².

Вот теперь все стало правильно! С тех пор из партийной истории (точнее, уже агиографии) вообще исчезает сюжет 1920 г., когда тов. Сталин, не допустив ни одной ошибки, проиграл польскую кампанию Пилсудскому. Настолько бесследно исчезает, что президент В.В. Путин, выступая 7 апреля 2010 г. в Катюни, признался: «К стыду своему я не знал, что, оказывается, в 1920 году в военной операции в советско-польском конфликте руководителем был лично Сталин... И тогда, как известно, Красная армия потерпела поражение, в плен было взято много красноармейцев...».

Видите, даже В.В. Путин не знал. А когда узнал, по-новому объяснил для себя нелюбовь тов. Сталина к Польше и польским офицерам. Что же говорить про рядового потребителя агиопродукции? Ему с детства внушали, что ошибок не было и быть не могло. Тем более поражения от какого-то там Пилсудского.

¹² Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь : Северная Корона, 2004. С. 326.

Да и самой войны, если честно, тоже. Если б был серьезный конфликт, разве ж Сталин мог его проиграть?! Да еще полякам. Смешно.

Приглядимся к эволюции агиографических воззрений. В официальной биографии вождя, которую в 1946 г. составляли выжившие после чисток хорошие люди из Института Маркса — Энгельса — Ленина, соответствующий фрагмент выглядит так: «В годы гражданской войны ЦК партии и лично Ленин посылали Сталина на самые решающие и опасные для революции фронты. Товарищ Сталин состоял членом Реввоенсовета Республики и членом Реввоенсоветов Западного, Южного, Юго-Западного фронтов. Там, где в силу ряда причин создавалась смертельная опасность для Красной Армии, где продвижение армий контрреволюции и интервенции грозило самому существованию Советской власти, туда посылали Сталина. Там, *“где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, в катастрофу — там появлялся товарищ Сталин”* (выделено авторами биографии. — Д. О.)»¹³.

В качестве документального источника выделенной жирным шрифтом цитаты авторы используют не абы что, а ту самую основополагающую статью К. Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Которую редактировал лично тов. Сталин и из которой вовремя изъят незрелое суждение про ошибки. Естественно, редактировал он и свою краткую биографию. Нельзя же такие вещи пускать на самотек. Поэтому, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, через страницу в биографии со всей прямоотой сказано: *«Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной Армии был Сталин* (выделено авторами биографии. — Д. О.).*»* Всюду, где на фронтах решались судьбы революции, партия посылала Сталина. Он был творцом важнейших стратегических планов. Сталин руководил решающими боевыми операциями... На западе против панской Польши и на юге против Врангеля — всюду железная воля и стратегический гений Сталина обеспечивали победу революции»¹⁴.

То есть панскую Польшу он все-таки победил. Так, без лишних изысков, вождь формирует свой агиографический образ. Страна послушно втягивалась в процесс — через приближенных карьеристов, через обезумевших от страха историков, через систему тайного доносительства, образования и СМИ. Вождь терпеливо строил, строил и наконец построил яркое социальное явление, позже названное культом личности. Но не только личности — также и всего, что эту личность окружало, возвышало и оправдывало. Культ Маркса — Ленина, как гениальных предшественников. Культ Октябрьской революции. Культ экономических достижений. Культ индустриализации (а до того и коллективизации). Культ специальных служб. Культ Победы — в самом общем и широком

¹³ Иосиф Виссарионович Сталин : Краткая биография. М. : Госполитиздат, 1947. С. 81.

¹⁴ Там же. С. 82–83.

смысле этого слова. Культ пафосного вранья, унижающего историческую науку до льстивого эпоса, а Россию — до азиатской деспотии.

Ошибок, поражений и тем более преступлений не было! Ибо нет охотников о них помнить. Нет и каналов, через которые подобные вредительские соображения могли бы просочиться в общественное мнение. Информационное пространство заполнено сообщениями о свершениях, которые из заурядного вранья быстро превращаются в краеугольные камни. Страна поражена беспамятством и передающимся по наследству заболеванием социальных очей — *джугафилией*. Она утрачивает способность ориентироваться в пространстве и времени, теряет берега, путает вход с выходом и, ведомая величественными галлюцинациями, упорно пытается пробить лбом стену. Пока не ляжет в конце концов обессиленной, с переломанными костями перед лицом великого и ужасного Когнитивного диссонанса.

Применительно к панской Польше остается лишь посочувствовать В.В. Путину и прочим советским гражданам, обреченным познавать прошлое через оптику истории КПСС. Никакой иной оптики в их распоряжении не было и быть не могло; именно этим сильны идеократические режимы. Этим же объясняется их стабильность и неспособность к эволюции. Зато если уж они рушатся, то целиком и сразу. Их версия мироустройства способна существовать лишь в изолированном ментальном пространстве — в раковине, в башне из слоновой кости, в железной клетке. Что, впрочем, не устраняет материальной зависимости от вмещающих ландшафтов.

Зато какие замечательные примеры агиографического творчества они дают! Их трактовка минувшего интересна как раз в качестве «политики, опрокинутой в прошлое». Ибо позволяет «от обратного» понять устройство ментальной оптики и реальные приоритеты вождей. Если система видит в прошлом (да и в настоящем тоже!) бесконечный антагонизм и войну, это говорит не столько об устройстве прошлого, сколько об устройстве системных очей.

Частный случай князя Жевахова

Эпический образ непобедимого народного вождя (созданный при его заинтересованном участии) работает даже лучше, чем икона Песчанской Божьей Матери, которую товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Н.Д. Жевахов по небесному указанию угодника Иоасафа, переданному через вещий сон блаженного полковника О., доставил в могилевскую ставку государя императора в конце 1915 г. В воспоминаниях, напечатанных в Мюнхене в 1923 г. (переизданы в 2008 г. в Петербурге), князь предлагает свою, не менее интересную, чем у Ворошилова и Сталина, трактовку причинно-следственных связей в отечественной истории.

Плакат 1949 г. Автор В. С. Иванов (1909–1968). Выдающийся советский живописец, художник кино. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1955), член-корреспондент АХ СССР (1958), дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1949). Известен как мастер политического плаката, создал более 300 листов. За серии плакатов награжден серебряной (1964) и золотой медалью АХ СССР. Источник изображения: <https://www.historyworlds.ru/gallery/raznye-temy-iz-istorii/sss1/СССР-ПЛАКАТ/&FSTART=24>